

Переплетения и решения

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Начало

ХЕЛЛИНГЕР: Добро пожаловать на наш курс! Мы начнем с того, что каждый коротко скажет:

- как его зовут;
- кем он работает;
- какое у него семейное положение;
- какой у него запрос.

Как только представится такая возможность, начнется поиск решений. При этом отдельные шаги будут открываться непосредственно в процессе работы или участия и проверяться на их воздействие. Если возникнут вопросы по методике, результатам или исходным принципам, я, насколько смогу, буду на них отвечать.

Усыновление опасно

КАРЛ: Меня зовут Карл, я живу с женой и нашим маленьким приемным сыном. У нас четверо собственных детей, им сейчас от двадцати шести до тридцати двух лет, они все уже живут отдельно. В свое время у нас под опекой было еще три девочки одного возраста и приемный сын, который живет сейчас с нами, — ребенок одной из них. По профессии я пастор, работаю с детьми и подростками с ограниченными возможностями и их семьями. Прошлогодня встреча с тобой открыла мне глаза на то, что моя прежняя работа была близорукой — назову это так. Дело в том, что я всегда смотрел на подростка либо просто как на инвалида, либо, если речь шла о ребенке, живущем в системе с нарушенными отношениями, только как на отдельного человека. Теперь я вижу, что почти бессмысленно пытаться помочь ребенку, если я не могу работать еще и с его семьей и если у семьи нет того же понимания проблемы.

ХЕЛЛИНГЕР: Ты должен отменить усыновление.

КАРЛ: Отменить усыновление?

ХЕЛЛИНГЕР: Ты должен.

КАРЛ: Даже не могу себе такого представить.

ХЕЛЛИНГЕР: У тебя нет на него права. Усыновление — опасное дело, и тот, кто на него идет без сугубой необходимости, дорого за это платит — либо собственным ребенком, либо своим партнером. Он приносит их в жертву в качестве компенсации. Кто хотел усыновления?

КАРЛ: Мы с женой оба хотели.

ХЕЛЛИНГЕР: Почему ребенок не живет со своей матерью?

КАРЛ: Мать пришла к нам с четырехмесячным младенцем, и, поскольку она хотела жить со своими друзьями, она отдала нам его под опеку.

ХЕЛЛИНГЕР: Под опеку — еще ладно, а вот усыновление — это уже слишком. Оно выходит далеко за рамки того, что нужно ребенку. Оно вырывает ребенка из его системы отношений.

КАРЛ: Я пока не совсем понимаю: ведь отношения с родной матерью как были, так и есть.

ХЕЛЛИНГЕР: Отношения ребенка с родной матерью уже не такие же, как были, вот в чем беда. Ты забрал у матери ее права и ее ответственность. И у отца тоже. Кстати, что с ним?

КАРЛ: Его отец — турок, сейчас он женат вторым браком на турчанке. У него с ней есть еще дети, а от общения с этим ребенком он отказался.

ХЕЛЛИНГЕР: Почему ребенок не может быть со своим отцом? Ты боишься, что он станет мусульманином? И должен бы стать!

КАРЛ: И мог бы стать.

ХЕЛЛИНГЕР: Там для него самое лучшее место. Это мальчик?

КАРЛ: Да.

ХЕЛЛИНГЕР: Тогда ему нужно к отцу, это совершенно понятно.

КАРЛ: Мне нужно об этом подумать.

ХЕЛЛИНГЕР: Знаешь, как оно с этим «подумать»? Это как с тем пастором, который после напряженных молитв и поста

сказал: «Черт подери, после всех этих духовных упражнений мне всегда нужно шесть недель, чтобы все вернулось на круги своя».

Предстать как визави

БРИГИТТА: Меня зовут Бригитта. Я психолог, у меня своя частная практика. У меня четверо дочерей от первого брака. Я развелась, а через какое-то время мой первый муж умер. Потом я снова вышла замуж, в этом браке у меня две падчерицы. Чтобы подкопить сил, я живу очень отстраненно от мужа, а здесь я для того, чтобы без особых усилий чему-то научиться.

ХЕЛЛИНГЕР: Здесь такое исключено. Итак, чего ты хочешь?

БРИГИТТА: Я хотела бы включаться лишь настолько, насколько я сейчас способна внутренне осилить.

ХЕЛЛИНГЕР: Для меня слишком рискованно позволить присутствовать здесь кому-то, кто не готов с риском для себя предстать тут как визави, потому что тогда он будет сдерживать свое интимное. Так что хочу тебя предупредить. То, чем мы здесь занимаемся, не только для наблюдения со стороны.

БРИГИТТА: Я и не хочу, чтобы это было понято таким образом. Но, поскольку я обучаю некоторых участников, а группа такая большая, мне хотелось бы держаться немного в стороне. Однако я готова делать все, что нужно для участия.

ХЕЛЛИНГЕР: Я назвал тебе правила, а ты их услышала. Так что для меня тут все улажено. Но я расскажу тебе одну историю.

БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ

В Америке профессор психологии вызвал к себе студента, дал ему две купюры — одну в один доллар, а другую в сто долларов — и сказал: «Иди в приемную, там сидят двое мужчин, дай одному из них один доллар, а другому сто». Студент подумал: «Наверное, у него очередной заскок!» Он взял деньги, пошел в приемную и дал одному мужчине один доллар, а другому сто. Но студент не знал, что до этого профессор по секрету сказал одному из них: «Позже ты получишь один доллар», а другому: «Позже ты

получишь сто долларов», и по случайному совпадению дал один доллар тому, кто ждал один доллар, а другому, который ждал сотню, дал сто.

ХЕЛЛИНГЕР (*посмеиваясь*): Странно, теперь я задаю себе вопрос, к чему тут эта история.

Двойное смещение

КЛАУДИА: Меня зовут Клаудиа. Я психолог и работаю не только психотерапевтом, но еще и судебным экспертом по семейным делам, а кроме того, я веду курсы для людей, которых лишили водительских прав и которые теперь должны пройти психологический тренинг. Мое семейное положение: я разведена. В этом плане мне немного неловко, потому что я всего полгода была замужем и даже не знаю, можно ли это вообще считать браком и разводом.

ХЕЛЛИНГЕР: Ты была замужем, и этого уже не отменить. У тебя есть дети?

КЛАУДИА: Нет, детей нет.

ХЕЛЛИНГЕР: Почему вы расстались?

КЛАУДИА: Потому что это было ужасно. Ну, то есть мы не были долго знакомы и довольно быстро решили пожениться, а потом для меня все было ужасно.

ХЕЛЛИНГЕР: Для тебя было ужасно, а для него тоже?

КЛАУДИА: Я постаралась, чтобы и для него тоже было ужасно.

ХЕЛЛИНГЕР: Какой злой женщине из твоей системы ты подражала?

КЛАУДИА: Матери уж точно.

ХЕЛЛИНГЕР: Поищем кого-нибудь еще. Вопрос в том, кто из женщин в твоей родительской системе справедливо злился на какого-то мужчину? Когда происходит что-то такое, как ты описываешь, за этим часто стоит динамика двойного смещения. Знаешь, что это такое?

КЛАУДИА: Нет.

ХЕЛЛИНГЕР: Я приведу тебе пример. На курсе Ирины Прекоп, где она демонстрировала свою удерживающую терапию, она

пригласила держать друг друга одну супружескую пару. Внезапно у жены изменилось лицо, она вдруг разозлилась на своего мужа, хотя у нее не было на это никаких причин. Тогда я сказал Ирине: «Смотри, как у нее меняется лицо. По нему можно определить, с кем она идентифицирована». Лицо клиентки вдруг стало лицом восьмидесятилетней женщины, при этом самой ей было где-то около тридцати пяти. Тогда я сказал ей: «Обрати внимание на свое лицо! У кого было такое лицо?» Она ответила: «У моей бабушки». Я спросил: «А что было с бабушкой?» Она рассказала: «Бабушка была трактирщицей, и иногда дед таскал ее за волосы по залу на глазах у всех посетителей. А она это терпела».

Можешь себе представить, что на самом деле чувствовала ее бабушка? Она злилась на своего мужа, но никак этого не выражала. Эту подавленную злость переняла ее внучка. Это *смещение в субъекте* — с бабушки на внучку. Однако эта злость достается теперь не ее деду, а ее мужу. Это *смещение в объекте* — с дедушки на мужа. Для нее так менее рискованно, ведь муж ее любит и поэтому он это терпит. Так выглядит динамика двойного смещения. Только никто ее не осознает.

Вопрос: было ли у тебя что-то подобное?

КЛАУДИА: Мне ничего такого не известно.

ХЕЛЛИНГЕР: Если бы что-то такое было, то ты была бы в большом долгу перед своим мужем.

КЛАУДИА: Хм...

ХЕЛЛИНГЕР: Вот именно.

Она смеется.

ХЕЛЛИНГЕР: Что, попалась?

КЛАУДИА: Нет. Но я как раз думала о том, что я рада, что у него все хорошо.

ХЕЛЛИНГЕР: Это оттого, что ты чувствуешь себя виноватой. Но верно ли то, что я сказал, мы сможем проверить, только когда продолжим работу. Пока что это только гипотеза.

Первая жена

ГЕРТРУДА: Меня зовут Гертруда. Я врач, занимаюсь общей практикой. Я не замужем, и у меня есть сын, ему скоро будет девятнадцать.

ХЕЛЛИНГЕР: А что с его отцом?

ГЕРТРУДА: Он уже около пяти лет с ним не виделся.

ХЕЛЛИНГЕР: Что с ним?

ГЕРТРУДА: Он женат, в этом браке у него трое детей. И где-то пять лет назад у него родилась еще дочь от другой женщины. Но это его проблемы, я с ним уже пять лет не разговаривала.

ХЕЛЛИНГЕР: Когда вы с ним познакомились, он уже был женат?

ГЕРТРУДА: Сейчас это его третий брак. Тогда он тоже был женат, кажется, во второй раз. Они как раз собирались разводиться. Я знаю его еще со школы, мы вместе учились. Потом мы разошлись. Он жил в другом городе и там женился. А один раз он женился в качестве услуги, чтобы помочь женщине выбраться из Венгрии. Потом он развелся, а потом женился снова.

ХЕЛЛИНГЕР: Так нельзя. Нельзя жениться в качестве услуги. У тебя были с ним интимные отношения до того, как он первый раз женился?

ГЕРТРУДА: Да.

ХЕЛЛИНГЕР: Значит, ты его первая жена. В таком случае ты имеешь приоритет перед всеми его женами. Приятное чувство, да?

ГЕРТРУДА: Да-да, только это трудно.

ХЕЛЛИНГЕР: Что тут такого трудного?

ГЕРТРУДА: Ну, мне сейчас не обязательно испытывать это чувство. Уже нет.

ХЕЛЛИНГЕР: Приоритет не зависит от чувств.

ГЕРТРУДА: Да?

ХЕЛЛИНГЕР: Это факты, они существуют вне зависимости от чувств.

Счастье пугает

ХЕЛЛИНГЕР: Я скажу тебе кое-что про счастье. Счастье воспринимается как что-то опасное, поскольку оно делает одиноким. То же самое относится и к решению. Оно воспринимается как что-то опасное, поскольку делает одиноким. А вот с проблемами и несчастьем мы всегда в хорошей компании.

Проблема и несчастье связываются у нас с чувством невинности и верности. Решение же и счастье связываются с чувством предательства и вины. Поэтому счастье и решение возможны только в том случае, если человек принимает эту вину. Не то чтобы это была реальная вина, но она так воспринимается. Поэтому так труден переход от проблемы к решению. Ведь если то, что я тебе сказал, факт и ты бы приняла это как факт, тебе пришлось бы полностью перестроиться.

СЫН ЗАМЕЩАЕТ БРАТА МАТЕРИ

ХАРТМУТ: Мне сначала нужно настроиться и сосредоточиться на семейных отношениях. Меня зовут Хартмут, я бизнес-консультант, а еще я занимаюсь научной работой в своей области — это религиозная философия. У меня две дочери от первого брака. Потом я женился снова. Мы с женой все еще в браке, хотя уже семь лет живем раздельно. Дочерям от первого брака тридцать и двадцать семь.

ХЕЛЛИНГЕР: И чего ты хочешь здесь?

ХАРТМУТ: Я хочу разобраться, насколько мне следует вовлекаться в человеческие отношения любого рода. Я стал большим анахоретом и чувствую, что при этом что-то теряю. Во мне есть большой избыток любви, только я не знаю, куда ее девать.

ХЕЛЛИНГЕР: Сейчас мы расставим твою родительскую семью. Ты уже когда-нибудь делал семейную расстановку, знаешь, как это делается?

ХАРТМУТ: По каким-то схемам пока нет, но в голове у меня уже есть примерный план.

ХЕЛЛИНГЕР: Твой план наверняка неверен. Он служит только для защиты. То, что заранее себе придумываешь, служит для защиты. То, что рассказываешь терапевту о своих проблемах, тоже служит для защиты. Все становится серьезным только тогда, когда начинаешь действовать. Ладно, кто бы мог побыть твоим отцом?

ХАРТМУТ: Роберт мог бы, потому что...

ХЕЛЛИНГЕР: Никаких обоснований не требуется. Сколько у тебя братьев и сестер?

ХАРТМУТ: Двое, брат и сестра, и еще одна неполнородная сестра. Поэтому я не сразу сказал. Но я с ней не рос.

ХЕЛЛИНГЕР: Это сестра по отцу или по матери?

ХАРТМУТ: По отцу.

ХЕЛЛИНГЕР: Он был женат до брака с твоей матерью?

ХАРТМУТ: Нет, после. После развода он снова женился, и тогда родилась еще эта сестра. Моя мать замуж больше не выходила.

ХЕЛЛИНГЕР: Кто был первым ребенком твоих родителей?

ХАРТМУТ: Я сам.

ХЕЛЛИНГЕР: Кто-то из твоих родителей был раньше в браке, прочных отношениях или помолвлен?

ХАРТМУТ: Нет. Хотя у моей матери был другой кандидат, он потом стал моим крестным.

ХЕЛЛИНГЕР: Он нам понадобится. Есть еще кто-нибудь, кто важен?

ХАРТМУТ: Крайне важен брат моей матери.

ХЕЛЛИНГЕР: А что с ним?

ХАРТМУТ: Моя мать всегда хотела жить с ним, и меня она хотела сформировать по его образцу.

ХЕЛЛИНГЕР: Он священник или что?

ХАРТМУТ: Нет, он был знаменитым актером.

ХЕЛЛИНГЕР: Она хотела жить с ним?

ХАРТМУТ: На самом деле она предпочитала его моему отцу.

ХЕЛЛИНГЕР: Мы возьмем его позже. А сейчас поставим отца, мать, брата и сестру, вторую жену отца, сестру по отцу и друга матери. Выбери из группы для каждого из них кого-то, кто будет их замещать: мужчин для мужчин или мальчиков и женщин для женщин или девочек. Затем поставь их по отношению друг к другу, причем так, как ты чувствуешь это сейчас. Например, насколько далеко от отца стоит мать и в какую сторону они смотрят. Поставь каждого на его место, ничего не говоря и не объясняя. Делай это сосредоточенно и серьезно, иначе ничего не получится.

Хартмут выбирает заместителей и ставит их по отношению друг к другу. Мать он ставит за спиной у своего заместителя, а ее друга — слева позади нее. Своих сестру и брата он ставит рядом друг с другом за матерью справа, но достаточно далеко от нее.

Своего отца и его вторую жену он ставит на некотором расстоянии напротив остальных. Дочь отца от второго брака стоит между ее родителями.

ХЕЛЛИНГЕР (Хартмуту): Обойди еще раз вокруг и, если надо, что-то поправь. А потом садись так, чтобы тебе было хорошо видно.

Теперь Хеллингера опрашивает заместителей.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя отец?

ОТЕЦ: Я чувствую себя здесь очень изолированно. Моя прежняя семья далеко, и что-то есть у меня за спиной, но я этого совсем не вижу.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя мать?

МАТЬ: У меня есть контакт с бывшим мужем. До этого я была внутренне оцепеневшей.

ХЕЛЛИНГЕР: А что ты при этом чувствуешь?

МАТЬ: Бессилие. Неспособность к действию.

ХЕЛЛИНГЕР: А что ты чувствуешь к своему поклоннику, крестному Хартмуту?

МАТЬ: Он стоит позади меня, но в то же время у меня над душой. У меня скорее двоякие чувства.

ХЕЛЛИНГЕР: Как себя чувствует поклонник, друг?

ДРУГ МАТЕРИ: Я тоже могу сказать, что двойко. Эта женщина кажется мне привлекательной и симпатичной, и у меня есть с ней какая-то связь. Но в этих рамках мне это не нравится. Я чувствую себя неподвижным, зафиксированным.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя старший сын?

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК: Когда меня сюда поставили, мне пришло слово «Ой!», я подумал, что сейчас меня кто-то цапнет, странным образом это ощущается в икрах. Там очень горячо. Еще это похоже на то, как если бы меня норовила укусить собака. Это что-то скорее теплое, но и опасное. По отношению к отцу есть определенное тепло, но оно уходит вот так, по диагонали. С братом и сестрой позади меня практически никакой связи нет. Вторая жена отца и сводная сестра для меня неважны.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя второй ребенок?

ВТОРОЙ РЕБЕНОК: Когда в процессе расстановки мать еще стояла рядом со мной, мне было хорошо, а теперь не очень.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя третий ребенок?

ТРЕТИЙ РЕБЕНОК: Я вижу обоих родителей, но не могу ни на что решиться. Я чувствую, что меня тянет к отцу, но не могу отсюда уйти.

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя вторая жена?

ВТОРАЯ ЖЕНА: Я задаюсь вопросом, почему мой муж не может повернуться ко мне?

ХЕЛЛИНГЕР: Как чувствует себя сестра по отцу?

ЧЕТВЕРТЫЙ РЕБЕНОК: Сначала я чувствовала себя вне семьи, а еще отец вызывал ощущение угрозы. С тех пор как за мной стоит мать, стало лучше. Но отец стоит у меня на пути.

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК: Пока я тут так стою, мне становится очень жарко вот тут, спереди, как будто во мне есть какой-то заряд, и хочется что-нибудь схватить.

ХЕЛЛИНГЕР (*Хартмуту*): Теперь поставь еще брата матери!

Хартмут ставит брата матери слева перед ней.